

Моя

В ПОВЕСТИ Анатолия Курчаткина «Звезда бегущая» (журнал «Октябрь», № 1, 1984) молодой журналист Прищепкин, записав в блокноте нестерпимую по банальности фразу, доводит: «Роскошный может быть очерк...» Врачебная бригада столичных медиков, обезжающая лесопункты Сибири, и впрямь любопытный для очерка материал. «Побывать потом в поселке на приемах, может быть, что-нибудь произойдет драматическое...» — строит планы Прищепкин. «Только вот на какой шампур насадить, какая главная, так сказать, идея?»

Примитивный и недалекий журналист, выскок, странное создание природы, обладающее способностью, противоположной дару царя Мидаса, — один из частых персонажей в современной беллетристике.

А уж ироническое отношение к журнализму — обычное дело. Взять вот хоть повесть Даниила Гранина «Еще заметен след» (журнал «Новый мир», № 1, 1984). К невольному сопоставлению со «Звездой бегущей» Курчаткина тут побуждает поначалу чисто формальный признак: последовательность чтения, первые номера ведущих «толстых» журналов. Потом, размышляя, обнаруживаешь, что при всем несходстве авторских манер, опыта и т. п. есть и нечто более глубокое, объединяющее обе повести. Сходство проблематики. Но об этом позже. Разберемся пока с прищепкинскими.

Пройдохи журналиста — такого персонажа в повести Даниила Гранина нет, но вот «сладкоголосые, умиленные журналистки» появляются на первой же странице. И хоть фраза о них брошена вскользь — но не брошена же она случайно. Тогда зачем?

Завязка повести Даниила Гранина сли-

салины разрезают во врачебных молодежных бригадах? Но если столь удивительные страсти кипят в педиатре Кошечкиной — тогда от обвинения в холодной расчетливости придется ее освободить, не так ли?

Любовь чистая, трогательная, естественная, разнузданная — все варианты.

Вот именно — все. И в этом литературном разнообразии обнаруживаются следы конструкции. Ибо функция врачебной бригады в повести Курчаткина явно подсобная, линия эта приспособлена к основной линии повести, и не случайно, сведя их вместе, автор про медиков тут же забывает — и навсегда. В фабуле повести врачи нужны лишь затем, чтобы оказаться в поселке в момент несчастного случая. Ну, а не оказались бы — главную линию можно продолжить и без них.

ЕСТЬ в повести Курчаткина одна сильная сцена. Кульминация повести. Это сцена резкого психологического поворота, смены ракурсов, внезапного превращения виновного в правого и правого в виновного.

Только что мы сочувствовали Прохору: два года мается человек, все ему невмоготу. А два года назад случилось вот что: в компании подвыпивших мужиков один заезжий похвлялся, что в два дня бабу «обратал», да и показал в окно на жену Прохора, Драка, конечно, и болтун свои слова взял обратно, а клеймо осталось. И не поймешь, чем больше мучается Прохор — нелепым грехом жены или случайной публичностью поступка, видя в каждом взгляде, в каждом слове встречного то подначку, то намек.

И вот стоит она на крыльце больницы, всегда безропотная, покорная, бессловесная, виноватая, привычно замаливающая, выплакивающая свой грех, и не в голос, а шепотом кричит: «Всю душу мне надавил!.. Уж бросил бы, что ли! А то два года жили мотал!.. Не буду с тобой жить больше, все, нет у меня больше души на

на следующий день «вызывали по очереди», не щадили Волкова ни за тот разговор, ни за прошлые.

Волкова, как выражается Дударев, не казали, и дальнейшую его участь «заволокло клубами пыли наших танков».

В памяти героя ее тоже якобы «заволокло». «Так забывают то, от чего хотят избавиться. Это было сопротивление памяти, ее инстинкт».

Объяснение не вполне убедительное, а для того, чтобы показать все более овладевающее Дударевым чувство вины перед прошлым, вряд ли и нужное.

А вот работа совести, столь по-разному идущая в двух непохожих героях повести, и впрямь интересна и дает пищу для размышлений.

После смерти матери Жанна нашла письмо Волкова, помеченное 49-м годом. Из него становится ясно, что он писал и раньше и даже, измученный тяжестью непривычного быта, унизился до просьбы о посылке. Мать письмо скрыла.

Прошло больше тридцати лет. Волков давно умер. Какой смысл мучиться незлым поступком? Так распорядилась жизнь. Обстоятельства. Но ссылка на обстоятельства, столь естественная для Дударева, малопримемлемая для Жанны, предъявляющей счет к себе.

Есть одна восточная притча, обработанная В. Г. Короленко. Мудрые старцы, на пути поисков истины посетившие однажды храм божества по имени Необходимости, чуть не погибают, внимая горделивым ее откровениям: все, дескать, любое доброе или злое дело, любое движение и желание рассчитано ею наперед. Пока наконец не найдут силы вобунтоваться против тирании мнимого божества, сообразив, что оно не хозяин, а только счетчик движений человека, что действительное или бездействие равно можно свалить на тайный замысел Необходимости, в действительности же «то, что еще должно

А. ЛАТЫНИНА

ХАРАКТЕРЫ И СИТУАЦИИ

Заметки о повести Даниила Гранина «Еще заметен след» и повести Анатолия Курчаткина «Звезда бегущая»

ком уж... традиционна, что ли. К Антону Максимовичу Дудареву в разгар напряженной деловой дня звонит неизвестная женщина и начинает расспрашивать про какого-то Волкова, с которым герой лет тридцать с лишним назад воевал на Ленинградском фронте. Действует Жанна Нижегородце (так ее зовут) в полном соответствии с литературным клише, и когда Дударев отказывается было от встречи, принимается стыдить его «фронтным братством» и «преданностью боевым друзьям», — с точки зрения же рассказчика, вылезает «весь тот шоколадный набор, которым потчуют по радио и в праздничных телепередачах сладкоголосые, умиленные журналистки».

Пассаж против журналистик — обещание иного подхода к теме. Только зачем писателю так уж непременно надо декларировать это отличие? Казалось бы, рассказывая себе, а читатель пусть делает выводы, что есть писательство, а что журнализм.

У Корнея Чуковского есть наблюдения над любопытным феноменом двойничества у детей. Оказывается, не один малыш избрел живущего с ним рядом какого-нибудь Васю-Касю. Это он исковеркал слово, разбросал игрушки, наследил на кухне. А кто говорит правильно, кто соберет игрушки и подотрет следы? Хороший мальчик Ваня.

Это примитивный журналист Прищепкин в тремущемся на колдобинах автобуса сочиняет: «Есть общее между солдатским «ура», что облаком катится по полю над неудержимой лавиной жаждущих победы бойцов, и этой песней молодого врача, белокурой Лилии Глинской в ночном автобусе, рвущемся сквозь тайгу к заданной цели...»

Писатель же видит, что молодой врач орет песни, стоя около двери и не обращая внимания на спящих коллег, чтоб ее не стошнило; укачивает.

И не раз и не два писатель еще посмеется над шелкопером, набитым пошлостями, над его примитивными поисками идеи — не для того ли, чтобы уяснил читатель: автор, уж конечно, идею не ищет, она сама органично вытекает из всего хода повествования, организуя материал.

Посмотрим же как.

БРИГАДА столичных медиков, обезжающая по лесопрохозам Сибири, — хороший материал не только для репортера. Колоритные детали специфического быта. Парадоксы плохой организации — чего стоит хоть чемодан с лекарствами, доставленный за две недели до конца рейда бригаде, изывавшей до того от нехватки медикаментов. А теперь изволь все это реализовать, потому что по бумагам оно уже давно за бригадой. — и вот выписывают крепко сбитому лесорубу по несколько пачек гранкилизаторов... Ну и, конечно, взаимоотношения молодых врачей, поставленных в необычные условия пеззиды, — тоже богатая почва для писателя.

Но почему скучновато следить за тем, как врачи целый день ждут автобуса и лениво переговариваются между собой? Как пикируются Лилия Глинская и Дашини, а бригадир Кодзев страдает: «эот-вот поцапаются», меж тем как самому недогадливому читателю давно уже ясно, что «цапаются» они, в соответствии с приевшимися литературными стандартами, именно потому, что друг друга любят.

Эта пара целомудренная. Есть и другая — тридцатилетний юный хирург Воробьев и тридцатилетняя хищница Кошечкина, наделенная всевозможными пороками.

Читателю же, несомненно, ясно только одно: что автор уж очень эту Кошечкину не любит и наговаривает явно лишнего, как чересчур старательный свидетель обвинения, не всегда замечающий, что участие в одном преступлении создает алиби для другого. Так, если Кошечкина расчетливая и хладнокровная хищница, методично «окружающая» «оробушка», так зачем ей, стоит тому на сутки отлучиться в город (несчастный случай, повесть большого мальчишества), вешаться тут же, на глазах у всех, проезжаем журналисту на шею? Что, не может один день без хода в лесочке вытерпеть, таких вот мес-

тебя, лишь бы вот Витька выправился!».

Витька — двенадцатилетний сын. Он-то и лежит в этой больнице. Сначала жертвик в битве самолочий. Потом — зловещая. Впрочем, жертва больше по воле писателя. Бревно, которое сваливается на мальчика, сброшено, конечно же, волевым усилием автора, не нашедшего иного, возможно, более сложного способа обнажить конфликт.

Удар несчастием ребенка — это очень острый сюжетный ход, и, применив его, нельзя погружать затем читателя в мельтешение ненужных действий и подробностей: в то, как добирался Прохор до больницы, как разбил мотоцикл да поджигал бревно, в то, как разговаривал с шефром передвижки да с Прищепкиным. Но как бы то ни было, бревно, разможившее внутренности ребенку, дает автору возможность резко развернуть героев в отношении друг к другу.

Уж как прав был Прохор в своих уколах да упреках, как упивался своим страданием, своей болью, своей горечью — не до того было, чтобы заметить, какие раны нанесит сам. И вот внезапный бунт бессловесной дотеле женщины — и прозрение мужчин.

Вина и цена искупления. Правда и терроризм правоты. Клубок проблем, которых хватил, бы на хорошую повесть, если б автор глубокое исследование ситуации не подменял журналистским сопоставлением случаев из жизни, не заслонял драму ненужными подробностями.

НУ, А КАК завершилась полемика с журнализмом у столь известного и опытного писателя, как Даниил Гранин? Как он исследовал заданную ситуацию — ибо, если думать, в центре повести Гранина также стоит проблема вины?

Мы оставили Дударева на одной из первых страниц, в раздражении против «сладкоголосых журналисток» и свалившейся на его голову женщины со своей папкой писем.

Даниил Гранин — писатель, остро чувствующий время. Раздражение Дударева против жизненной ситуации, парадоксальным образом копирующей беллетристику, — это и отражение писательской чуткости к складывающемуся литературному шаблону. Дударев сознательно противопоставлен довольно многочисленным персонажам, погруженным в то прошлое, в которое выжились лучшие свойства их натур. У Дударева выявились и другие, отнюдь не лучшие. И, однако, невротическим желанием «вытеснения» вряд ли можно объяснить, что Дударев вначале решительно ничего не помнит о человеке по фамилии Волков, а потом вспоминает тончайшие подробности; и как подобрал после налета одно из писем Волкова к Жанне и стал читать его вслух, а Волков назвал это подполье, и как возненавидел Волкова, как оскорблял на офицерском ужине, покаянно цедя слова (руки за спину, покачиваясь на носочках), и как вообще раздражал его не похожий на других офицер. Его манера говорить, и интеллигентские привычки, и многознание, и независимость, и даже инженерный талант — все вызвало неприятие. Казалось бы, возит, ся с автоматами: ломаются диски. Находит ошибку конструкторов. «Убедительно и... почему-то неприятно», — вспоминает нынешний Дударев. Или еще случай: Волков оспаривает приказ начштаба полка рыть траншею, чтобы вывесить назначенцы и направление телефонного кабеля, поскольку и так ясно, что кабель такого типа ответвлений не имеет, а использовать его для связи можно.

Это теперешний Дударев соглашается, что копать без толку мерзлую землю действительно было неразумно, — почему же тогда «умничанье» Волкова, вызвало раздражение не только у недалекого начштаба?

Силаность Волкова к самостоятельным суждениям кончилась совсем уж плохо: он выразил генералу свое мнение об операции, за которую все получили награды, сказав, что можно было бы избежать таких потерь. И сами же офицеры навалили на своего товарища и, когда их

быть — будет только через нашу волю».

Герой Гранина имеет полную возможность списать все свои поступки на Необходимость. Было такое время, на которого не понимал, да и в судьбе Волкова сказывается неумолимая тирания Необходимости. Жанна имеет эту возможность в еще большей степени. Но она не принимает подачки по-своему снисходительного божества. «А почему я не знала? Почему?» — этот неожиданный вопрос нарушает связь причины и следствия.

Да, письмо было спрятано матерью, боящейся за благополучие дочери. Как раз приехал бравый офицер, намечается свадьба. Но сам приезд метящего в женихи Бориса Лукьянова — не вина ли то Жанны, единственно из тщеславия тянувшей переписку с неинтересным ей человеком? И таких «почему» Жанна находит множество. Оказывается, в цепочке Необходимости было много слабых мест, разрываемых Поступком человека. Это понимает в конце концов и Дударев, испытывая запоздалое чувство вины. Но Жанна приехала вовсе не затем, чтобы предъявить ему счет. Он избран не для суда, а для исповеди.

Горькое прозрение героя, остро осознающего, что «пестрые обрывки» его прошлого лишены единства, в котором проступает судьба, — одно из лучших мест повести Гранина. Найдет ли Дударев в себе силы изменить это течение жизни — неясно, но важно уже то, что странный поступок чужого человека раскрыл его душу «новым чувством и мыслям»...

В ЦЕПОЧКЕ Необходимости, выстроенной героем Курчаткина в другой ситуации и по другому поводу, есть тоже слабое звено.

Прохору мнится, что чья-то злая воля разрушила его жизнь и семейное благополучие, и все, что происходит с женой и сыном, происходит помимо его воли. Но вся боль и драматизм взрыва совести именно в том и заключаются, что он осознает: в любую минуту была возможность одним лишь поступком прервать несносную цепь. Спросит с себя, а не требовать ответа с других...

Мы, однако, забыли про журналиста Прищепкина, меж тем как полемика с этим героем важна для понимания замысла Курчаткина. В начале повествования тоскующий об идее-шампуре, в конце Прищепкин триумфально ее обретает, соединяя бегущую в космосе звезду и кочующий по неустоянным дорогам ревуший автобус как знак «зарождения новых форм человеческого общения». Но автор, который, конечно, умнее и тоньше Прищепкина, говорит нам, что и в век спутников «новые формы человеческого общения» создать не так просто, а может, сложнее, чем спутник, что никакой технический, научный и общественный прогресс не устранит мук разности Прохора и страдания его жены и не разрешит противоречивых чувств добродетельного Дашини, разрывающегося между стремлением к Лиле Глинской и моральной убежденностью в недопустимости супружеских измен.

Это Прищепкин утверждает, что жизнь проста до смешного, а автор, напротив, говорит, что она сложна. В общем-то, мне больше по душе мысль умного автора, чем глупого. Прищепкина, но если уж быть откровенным, то одно общее место стоит другого, обратного, так сказать.

Если писатель мне навязывает расплывчатую сентенцию, что жизнь сложна, а драматизм человеческого существования, сопряженный с такими явлениями, как любовь, ревность, ненависть, болезнь, смерть, утрата близкого, неустрашим ни при каких научных и общественных прогрессах, — так мне незачем, пожалуй, обращаться к современной литературе.

Если я все же открываю свежую журнальную повесть, в которой присутствует столь вечная тема, как, например, человеческая вина, то мне интересен именно конкретный ее поворот. Исследования ситуаций. Оно наметилось было, но утончилось в массе подробностей и описаний, в непреодоленном искушении журнализма.